

МОДЕЛЬ ЧЕТЫРЕХСТОРОННЕЙ ОЦЕНКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Чибисов Б. И.

ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России, г. Тверь, Россия

A FOUR-WAY MODEL FOR ASSESSING TERRORIST THREATS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Chibisov B.I.

Tver State Medical University, Tver, Russia

Аннотация: статья посвящена анализу современных зарубежных подходов к изучению террористических угроз в общеобразовательных школах. Показано, что на сегодняшний день существует значительное количество исследований, ставящих под сомнение возможность создания профиля террориста.

Annotation: The article is devoted to the analysis of modern foreign approaches to the study of terrorist threats in secondary schools. It is shown that today there is a significant amount of research that calls into question the possibility of creating a terrorist profile.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Колумбайн, профайлинг

Keywords: extremism, terrorism, Columbine, profiling

Разновидность насилия, которая особенно остро привлекает внимание с 1990-х гг. – это стрельба в школах. Особенно важно, что в результате насилия появляются многочисленные жертвы, которые обычно выбираются случайным образом. Один из первых инцидентов со случайными жертвами – стрельба Чарльза Уитмена в Техасском университете в 1966 г. Для его жертв, которые в основном были среди молодых людей, это было совершенно неожиданно, как и для многих местных жителей. Случайный выбор жертв и невозможность предсказать следующую атаку создают атмосферу страха у общественности. В силу этих причин усилия в настоящее время сосредоточены на выявлении «профиля» школьных стрелков. За последние 20 лет в зарубежной литературе было опубликовано множество работ о предотвращении школьного насилия. Некоторые из них, в том числе и отчеты ФБР, а также Секретной службы совместно с Департаментом образования, были посвящены конкретно предотвращению стрельбы в школах [16; 18]. Другие же больше внимания уделяют предотвращению школьного насилия в целом [3; 6]. Значительная часть стратегии по предотвращению школьного насилия связана с созданием и внедрением системы оценивания угрозы. Такая система подготавливает специалистов по различным дисциплинам, включая правоприменение, образование и психическое здоровье, для расследования и оценивания возможных рисков.

Наиболее очевидные тревожные признаки часто игнорируются, потому что их попросту не воспринимают всерьез. В 1997 г. в Падьюке (штат Кентукки) Майкл Карнел сказал другим ученикам, что собирался прийти в школу и начать стрельбу: он продолжал твердить, что понедельник будет днем расплаты. В 1998 г. в Джонсборо, штат Арканзас, Эндрю Голден встал на стол в столовой и объявил: «Вы все умрете» [15, р. 11]. Митчелл Джонсон, приятель Голдена, участвующий в стрельбе, сказал: «Мне предстоит убить многих», имея в виду всех ему отказавших девушек [7, р. 1]. По словам одного из сверстников, Джонсон также говорил: «Завтрашний день покажет, умрете вы или останетесь в живых» [9]. В 2007 г. в Кливленде, штат Огайо, Аса Кун заявил нескольким сверстникам, что он откроет в школе стрельбу. Точно так же Энди Уильямс рассказал друзьям о своих намерениях, а Т. Дж. Соломон публично угрожал взорвать классную комнату, да и многие другие стрелки заявляли о своих планах.

К сожалению, несмотря на то, что стрелки четко заявляли о своих намерениях, никакого вмешательства не было. Для этого может быть несколько причин. Во-первых, школьники, возможно, были сочтены слишком юными для совершения убийства: Карнелу и Куну было по 14 лет, Джонсону

– 13 лет, а Голдену всего 11. Во-вторых, в некоторых случаях за такими учениками закрепились репутация «странных» – они часто говорили непонятные вещи; таким образом, никто не принял их слова всерьез. В-третьих, иногда стрелки угрожали прямо, но, когда их друзья задавали вопросы, брали свои слова обратно. Соответственно взрослым ничего не сообщалось. Наконец, бытует мнение, что любой, кто серьезно намерен совершить массовое убийство, не будет публично об этом рассказывать. Однако школьные стрелки отличаются от взрослых убийц – они оставляют много предупреждений о своих намерениях, и именно на это нужно реагировать. Лучшей стратегией для выявления предупреждающих сигналов будет обучение детей их распознаванию; необходимо также предоставить им возможность сообщать о том, что они слышат, руководству школы.

Другой тип «утечки» планов возникает, если школьники пытаются найти себе сообщника. Эндрю Голден убедил Митчелла Джонсона помочь ему в расстреле школы в Джонсборо. В этом же году Эндрю Уэрст из Эдинборо (штат Пенсильвания) попытался вовлечь своего друга, но тот отказался. К сожалению, друг также не сообщил никому, что готовится массовое убийство. Лучше всего дела обернулись в 2008 г., когда Диллан Косси рассказал другу о своих намерениях устроить кровавую бойню, а тот сообщил о готовящейся операции полиции. Возможная трагедия была предотвращена, Косси был арестован. «Утечка» информации также случается и в виде предупреждений. Майкл Карнел посоветовал некоторым из своих друзей держаться подальше от школы в понедельник, после дня благодарения, в тот день, на который планировалась атака. Другим сверстникам он сказал избегать вестибюля, поскольку там должна была начаться стрельба. Учеников нужно учить сообщать не только о прямых угрозах, но и приглашениях присоединиться к атаке и советах держаться подальше от школы/определенного места.

Менее прямая угроза возникает, когда студент одобряет каким-либо образом новость о стрельбе в школе, описывая ее как «крутую» или заявляя, что «кто-то должен это здесь устроить». Например, Эндрю Уэрст положительно отзывался о стрельбе в Джонсборо, устроенной Голденом и Джонсоном. Через месяц Уэрст сам совершил атаку. Кип Кинкл был также восхищен стрельбой в Джонсборо и сказал, что кто-то должен провести нечто подобное в его школе. Через два месяца после Джонсборо Кип устроил стрельбу сам. Точно так же многочисленные стрелки были вдохновлены предыдущими атаками, например событиями в «Колумбайн» или стрельбой в Университете Вирджиния. Увлечение атаками на школы, особенно сопровождающееся комментариями типа «кто-то должен повторить это в моей школе», следует воспринимать в качестве предупреждающих признаков возможной атаки. В 2006 г., за несколько месяцев до того, как застрелить 20 человек в колледже Доусон в Монреале, Кимвир Джилл опубликовал зловещий комментарий на сайте, посвященном криминальной хронике.

В 1997 г. перестрелки в школах были признаны социальной проблемой, особенно после инцидента в школе Колумбайн в 1999 г [1, р. 17]. С 2001 по 2006 г. освещение похожих преступлений в прессе было снижено, до тех пор, пока не случилась очередная стрельба в Виргинском политехническом институте в 2007 г. Такие убийства были названы эпидемией, 6 из них произошли за короткий период с 1997 по 1998 г. Криминологи сочли стрельбу в школе новым видом насилия среди молодежи [3, р. 705]. Статистически на правонарушителей моложе 18 лет приходится 10,9% от общего числа убийств и 9,5% от числа массовых убийств [4]. Несмотря на эти небольшие цифры, средний возраст преступников снизился. ФБР объясняет это тем, что массовые убийства – достаточно редкое явление, поэтому даже несколько эпизодов влияют на показатели о среднем возрасте преступников. Школы становятся четвертым по вероятности местом для совершения массовых убийств (9,7%) [5, р. 16]. Убийства в школах составляют менее 1% от всех убийств несмотря на то, что убийства с множеством жертв выросли в 1992 г. с 0% до 42% в 1997 [6, р. 24]. Национальный научно-исследовательский совет США изучил случаи школьного насилия в городских, областных и сельских школах, приведшие к смерти и обнаружил, что при обстреле школ в пригородах или селах ни причины, ни цели не были конкретными, а «объекты» не знали, что у преступника ними был конфликт [11, р. 56]. Стрелки считались изгоями и «странными», но не все из них были «одиночками» [10, р. 80]. Их сверстники также интересовались насилием, что еще больше затрудняло «проверку зоны риска» [12, р. 43]. Они проявляли интерес к сценам жестокости в фильмах (27%), в книгах (24%) или видеоиграх (12%) [9]. Они идеализировали вымышленных героев и их реальные прототипы и использовали такие же псевдонимы (ники) [13, р. 1]. Наиболее

важным элементом является «утечка». Школьные стрелки обычно не скрывают своих желаний убить или совершить самоубийство [14, р. 2]. Их намерения могут принять форму угрозы (например, «завтра вы все узнаете, останетесь ли вы в живых, или умрете»), предсказания (например, «что-то важное произойдет завтра»), либо иметь иносказательный смысл, который они выражают в стихах и рассказах для учителей [12, р. 25]. В 81% случаев о планах стрелков знал хотя бы один человек. В 59% случаев знал больше, чем один человек. В 93% случаев этот человек был знакомым сверстником или одноклассником, но они не верили, что стрелки имели серьезные намерения и не обращали внимания на их слова [9]. В качестве причины стрельбы деликвенты указывали такие события, как отстранение от занятий в школе, отказ девушки или кого-то из знакомых [2, р. 21]. Это случалось за несколько часов или дней до того, как начиналась стрельба, и в процентном соотношении колебалось от 59% до 100% при «мести классу» [8].

23% убийц из числа несовершеннолетних наблюдались у психиатра, но только 6% из них имели возможную психопатическую симптоматику во время самого массового расстрела [13, р. 1]. Столь низкие проценты и то, что стрелков было двое, у них была конкретная цель и их фразы после атаки исключают вероятность того, что причиной атаки является психоз [13, р. 1; 15, р. 28]. У тех, кто мстят классу, отсутствуют галлюцинации, бред или расстройства мышления [8]. Но даже в этом случае, похоже, у них сохраняется способность организовать и преднамеренно совершить атаку [1]. 63% школьных стрелков имели симптомы депрессии [2, р. 84; 8; 9; 12, р. 57]. Они могли проявляться в виде вспышек гнева и ненависти, вандализма или рискованных действий [8]. Хотя суицидальные мысли и преобладают у стрелков, только 9% малолетних убийц на самом деле совершают самоубийства после преступления [16, р. 11]. Нападение чаще всего заканчивается самоубийствами в Европе, в то время как в США в 60% правонарушители были арестованы полицией.

В ответ на модели ФБР и Секретной службы [16], исследователи из Вирджинского университета разработали собственный набор рекомендаций по анализу рисков насилия [3]. Предложенный ими алгоритм похож на дихотомический ключ; работа с ним сопровождается выяснением причин конфликта и ситуации, которая спровоцировала угрозы со стороны учащегося. По итогам администрация может определить, насколько эти угрозы серьезны и какие силы требуется привлечь для разрешения ситуации. Оценка основана на совокупности известных о школьнике данных в четырех основных областях: личность ученика, отношения в семье, отношения в школе и статус ученика в школьном сообществе, динамика социальных отношений. Вот как можно использовать модель четырехсторонней оценки, когда угроза получена в школе: предварительная оценка проводится по самой угрозе. Если известна личность угрожающего, эксперт быстро собирает столько информации по всем четырем категориям, сколько может. Оценивающий может быть школьным психологом, консультантом или другим сотрудником или специалистом, специально обученным для выполнения подобной задачи. Информация может быть получена из личных знаний оценщика об ученике или может быть запрошена у учителей, сотрудников, одноклассников, родителей и других источников, таких как правоохранительные органы или специалисты в области психического здоровья. Семейная динамика – это модели поведения, мышления, убеждений, традиций, ролей, обычаев и ценностей, существующих в семье. Когда подросток начинает угрожать группе, знание динамики в его семье и того, как эта динамика воспринимается им самим и его родителями, является ключевым фактором в понимании всех обстоятельств и проблем в жизни ученика, которые могли бы сыграть роль в его решении довести угрозу до трагического финала. Школьная динамика – это модели поведения, мышления, убеждений, обычаев, традиций, ролей и ценностей, которые существуют в рамках школьной жизни. Связь между взаимоотношениями в школе и оценкой угрозы не была эмпирически установлена, и поэтому ее уровень значимости может либо увеличиваться, либо уменьшаться в зависимости от дальнейших исследований. Социальная динамика – это модели поведения, мышления, убеждений, обычаев, традиций и ролей, существующих в том сообществе, в котором коммуницируют ученики. Эти модели также влияют на поведение учащихся, их самооценку, мировоззрение, отношения, принимаемые решения и образ жизни. Верования и мнения подростка, выбор друзей, занятий, развлечений и литературы для чтения, а также отношение к таким вещам, как наркотики, алкоголь и оружие, будут в какой-то мере отражать социальную динамику общества, в котором он вращается.

Мы должны быть заинтересованы в том, насколько полно специалисты внедряют подход к оценке угроз и насколько умело они следуют его рекомендациям. Школы, которые тщательно внедряют и поддерживают в рабочем состоянии программу профилактики насилия, с большей вероятностью добьются существенного снижения уровня агрессии и плохого поведения учащихся, чем школы, которые внедряли программы менее строгим образом. Наконец, мы должны признать вклад школьного администратора и команды в подход к оценке угроз. Руководящие принципы предоставляют значительную свободу действий при принятии решения о том, как реагировать на угрозу со стороны учащегося, поэтому может оказаться полезным изучить роль суждений руководителя и процесса принятия решений.

Литература

1. Adams J., Malone J. Outsider's destructive behavior spiraled into violence // The Courier-Journal. 1999, March 18. P. 17.
2. Clarkson W. Driven to kill. London: John Blake Publishing, 2004. 304 p.
3. Cornell D., Sheras P. Guidelines for responding to student threats of violence // Journal of Educational Administration. 2003. Vol. 41. P. 705–719.
4. Eric Harris's Journal, transcribed and annotated by Peter Langman, Ph.D. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.schoolshooters.info, свободный (дата обращения: 03.09.2024).
5. Fast J. Ceremonial violence: Understanding Columbine and Other School Rampage Shootings. NY: Abrams Press, 2008. 336 p.
6. Fox J., Burstein H. Violence and security on campus: From preschool through college. Santa Barbara: Praeger, 2010. 288 p.
7. Kifner J. From wild talk and friendship to five deaths in a schoolyard // The New York Times. 1998. March 28. Section 1, Page 1, Column 4.
8. Kimveer Gill Online (scans of printed pages) [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.schoolshooters.info, свободный (дата обращения: 03.09.2024).
9. Labi N. The hunter and the choirboy [Электронный ресурс] // Time Magazine. Режим доступа: <https://time.com/archive/6732521/the-hunter-and-the-choirboy/>, свободный (дата обращения: 03.09.2024).
10. Langman P. Rampage school shooters: A typology // Aggression and Violent Behavior. 2009. Vol. 14. P. 79–86.
11. Langman P. Why kids kill: Inside the minds of school shooters. NY: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.
12. Lieberman J. School shootings. What Every Parent and Educator Needs to Know to Protect Our Children. NY: Citadel, 2008. 366 p.
13. Mueller L. Defense paints teen as insane when teacher, janitor were killed // Lexington Herald-Leader. 2005. February 10. P. 1.
14. Mustikkamaa J. Finnish gunman kills 10, then self at school // Associated Press. 2008, September 24. P. 2.
15. Newman K. Rampage: The social roots of school shootings. NY: Basic Books, 2004. 432 p.
16. O'Toole M. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico: FBI Academy. 46 p.
17. Pekka-Eric Auvinen Online [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.schoolshooters.info, свободный (дата обращения: 03.09.2024).
18. Vossekuil B., Fein R., Reddy M. The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States. Washington: U.S. Department of Education, Office of Elementary and Secondary Education, Safe and Drug-Free Schools Program and U.S. Secret Service, National Threat Assessment Center, 2002. 63 p.